

“Политическое путешествие”: ОТ НЕВИННОСТИ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ

If oppression exists, then there must also be oppressors¹
Razack Sherene

*Обещание власти — словно предложение карты, пользуясь которой, можно добраться до
«альтернативных» мест безопасности, защиты, чистоты и «невинности»*
Chapman Chris

Сначала я задумала написать этот текст как политическое высказывание “от лица тех, кто не может сказать, и кого не слышат”. “Ведь я одна из таких, - думала я. - Я могу, я имею право”. Я человек, подвергающийся маргинализации по гендерным основаниям, по основаниям нейроотличий, ограниченных возможностей здоровья, социального положения, этнической принадлежности. В моем опыте присутствует множество пересечений угнетения и дискриминации. Но ни одно из них не дает мне права говорить за тех, кто не говорит, - за людей, пострадавших, испытавших вред, столкнувшихся с злоупотреблениями своим положением от помогающих специалистов.

Однажды на меня очень сильно повлияли слова, которые сказала Taimalieutu Kiwi Tamasese Шерил Уайт. Вот как описывает это сама Шерил:

“(Taimalieutu Kiwi Tamasese) ... сказала мне кое-что, что сильно повлияло на мой подход к вопросам [культуры и гендера]. Она сказала, что знает, что меня искренне беспокоят женщины из других культур, но для нее я была больше похожа на белого мужчину, чем на цветную женщину. Это не было личным. Она сказала, что считает, что с точки зрения жизненного опыта и привилегий белые феминистки больше похожи на белых мужчин, чем на цветных женщин. И поэтому, сказала она, наша ответственность - работать с белыми мужчинами. «Идите и работайте с людьми, на которых вы можете повлиять», - сказала она! Я так и сделала”².

Я думаю, что с точки зрения любого человека, обращающегося за помощью, я - Лена, нарративный практик, - гораздо ближе - по опыту, по привилегиям, - к культуре, к сообществу терапевтов, консультантов, - к тем, кто в силу дискурсивной политики имеет в нашем обществе профессиональные привилегии, власть, знания, влияние и экспертизу.

И если я хочу о чем-то говорить, мне нужно послушать Taimalieutu Kiwi Tamasese и начать говорить с теми, на кого я могу повлиять - с моими коллегами.

Поэтому вы читаете этот текст.

¹ “Если есть угнетение, должны быть и угнетатели”

² цит. по Denborough, D. A storyline of collective narrative practice: a history of ideas, social projects and partnerships / The international journal of narrative therapy and community work - 2012, no.1, p.42

Я пришла в нарративную практику после 10 лет работы коммерческим фотографом, после многих лет рефлексии властных отношений, которые складываются между фотографом и клиентом, рефлексии влияния этих отношений на навязывание людям представлений о самих себе и на культуру перформанса идентичности, после размышлений о том, какие пути возможны для снижения этого дисбаланса власти.

Меня утешала мысль, что, в отличие от моих коллег, я рефлексирую свою власть и свое влияние, и стремлюсь их снижать.

“Я не такая, как они, - так звучала эта мысль. - Я не причиняю вреда. Мои намерения справедливы и добры”.

Позднее я поняла: это успокоение приглашало меня не замечать, как воспроизводится - системно, на многих уровнях - система подавления идентичности людей, с которыми я работала. Как я сама - незаметно для самой себя - воспроизвожу практики “захвата авторства”, практики контроля - практики власти.

Уже в начале учебы нарративной практике я познакомилась со статьей Арта Фишера [“Власть и обещание «невинных» пространств”](#), и сильно задумалась.

Арт приводит слова Фуко о том, что властные практики овладевают нами не только посредством подавления, но скорее благодаря тому, что власть предлагает нам «продуктивность, знание и дискурс».

Продуктивность, знание и дискурс - именно это обещала мне нарративная практика, отмежевываясь от “классических терапий”.

“Мы не такие, как они, - так звучало это приглашение в “невинность”. - Наш подход особый! У нас постмодернизм, уважение к клиенту, неэкспертность, этика ответственности, рефлексивность, работа с сообществами, и **поэтому** мы не вредим людям! Мы восстанавливаем справедливость!”

Между тем вокруг меня в среде нарративных практиков циркулировали истории, доказывающее обратное:

- истории о злоупотреблении позицией супервизора, преподавателя, позволяющие создать негативное описание идентичности коллеги, студента, супервизируемого
- истории о патологизации собеседников и приписывании им сущностных негативных характеристик личности
- истории о финансовом мошенничестве, обмане, введении клиентов в заблуждение и использовании клиентов в своих личных корыстных целях
- истории о навязывании психиатрической помощи и психиатрических диагнозов
- истории гомо- и трансфобии
- истории патернализма и “доброжелательного сексизма”
- истории сохранения “нейтральности” и замалчивания по отношению к конфликтам, поддержки привилегированных голосов и “стирания” маргинализированных.

И чем больше я узнавала таких историй, тем сильнее во мне расцветала очередная успокаивающая мысль: “Но ведь я не такая! Я же так не делаю! Я вот критикую и осуждаю тех нарративных практиков, кто так делает!”

Я спрашиваю у себя сегодня - достаточно ли отмежеваться от “плохих” практиков, чтобы считать себя “хорошим”? Помогает ли это как-то изменить ситуацию? Помогает ли это восстановить вред, который причинен людям?

Об этом подробно пишет Крис Чэпман (Chris Chapman) в статье “Fostering a Personal-Is-Political Ethics: Reflexive Conversations in Social Work Education”³

Он приводит слова Harjeet Kaur Badwall, которая обеспокоена практиками “признания недобросовестных действий”, такими, например, когда белые люди выражают чувство стыда за расизм. Эти практики не работают как анти-расистские, пишет Badwall, они позволяют создать хорошее впечатление о себе, как об этичном человеке. Они создают чувство безопасности и способствуют своему позиционированию на стороне справедливости.

Ни один социальный работник и ни один помогающий практик, как подчеркивает Чэпман, не считает себя причастным к угнетению и насилию, эта работа видится на стороне справедливости, а не вреда. Между тем, исследования и критика помогающей и социальной работы, исследования по вопросам инвалидности, психического здоровья, антирасистская и антиколониальная критика регулярно указывают на **помогающие профессии как на главный источник системного угнетения.**

Mary Louise Fellows и Sherene Razack называют происходящее «гонкой за невинностью»⁴. В этой «гонке» самые разные люди выставляют на передний план свой собственный опыт угнетения, подчинения, причинения им вреда и собственной работы на благо справедливости. **В результате никто не берет на себя ответственность за участие в притеснении других.**

Последствия далеко идущие: если в сообществе признается, что угнетение, дискриминация, насилие существует, но никто не считает себя причастным, то никакие усилия по прекращению угнетения и насилия невозможны.

Нарративная практика - несмотря на то, что в ее основе лежат ценности рефлексивного, деконструкционистского, не-патологизирующего мировоззрения, - не исключена из этой “гонки за невинностью”.

Социальный и культурный контекст, в котором располагаются помогающие специалисты, доминирующие дискурсы и практики власти предлагают нам “карты мест безопасности, защиты, чистоты и «невиновности»”, в которых мы “успокаиваемся” и “возвышаемся”. Благотворительность, поддержка ЛГБТ+ движений, социальные места в частной практике, интервизии и супервизии, - мы много об этом говорим, не замечая, как воспроизводим при этом системную несправедливость в своей помогающей работе.

³ Chris Chapman “Fostering a Personal-Is-Political Ethics: Reflexive Conversations in Social Work Education” (Intersectionalities: A Global Journal of Social Work Analysis, Research, Polity, and Practice, 2013, Volume 2, p.24-50)

⁴ Mary Louise Fellows and Sherene Razack, The Race to Innocence: Confronting Hierarchical Relations among Women, 1 J. Gender Race & Just. 335 (1998)

Сама наша укорененность в нашем текущем социально-политическом климате формирует вероятность того, что мы причиним вред - как минимум за счет исполнения текущего законодательства.

Мы по-прежнему располагаемся в **дискурсах профессиональных отношений**, которые, как пишут Джеральд Монк и Джон Уинслэйд, “выдают нам доверие наших клиентов. Наши слова, скорее всего, будут звучать как ссыла на авторитетный источник, наши высказывания будут неявно содержать запрет на возражения; вполне вероятно, что они будут восприниматься как руководство к действию”⁵. Это ставит практика в привилегированное и “безопасное”, комфортное положение, располагающее к незаметным злоупотреблениям доверием.

Мы находимся под влиянием западной индустриальной культуры и **дискурсов иерархичности, состязательности, индивидуализма и индивидуальных достижений** (в противоположность сотрудничеству и взаимозависимости), которые приглашают нас к владению собственностью, практикам контроля и влияния как над неживыми, так и над живыми объектами, к конкурированию и гонке за престижем.

Дискурс индивидуализма вынуждает специалиста, который сталкивается с трудностями, скрывать это, ведь профессионал всегда решит проблему самостоятельно, “правильным образом”, профессионал знает, как правильно, он всегда уверен, “за профессионализм ему и платят”. Такое представление о профессионализме как о владении знанием противоречит созданию пространства для этических дискуссий, подчеркивает Чэпман. Оно закрывает возможности для ученичества, для циркуляции знаний, для практики ответственности в ситуации неопределенности, для практик подотчетности клиенту.

Дискурс "инаковости" ("отличности от нормы", "ненормальности") и идея превосходства одних людей над другими, которые, на первый взгляд, оспариваются социальной работой и помогающими практиками, на деле подталкивают многих специалистов к бесконечному образованию - "изучению разных специальных случаев специальных людей". Исходя из идеи помощи этим "специальным случаям" (из идеи “невинности”), практики не рефлексировать при этом, каким образом "специальность" этих случаев порождена. Кто ее породил? На какой норме она строится? Какая идея лежит за тем, что не каждый может помочь этому "специальному" случаю? В чем исключительность этого случая из общей практики? Почему некоторые знания о некоторых случаях вынесены за пределы основного образования и продаются за отдельные деньги? Какая идея лежит за тем, что психолог, консультант, социальный работник всегда недостаточно образован, чтобы работать со всеми? И - главный вопрос - кому эти вышеперечисленные идеи выгодны?

Так поддерживается системная маргинализация, в которой целые группы людей по различным признакам исключены из "нормы" и не могут рассчитывать на доступную помощь, вынуждены искать "узкого" специалиста по своей проблеме, сталкиваются с бытованием дискурсов о том, что они - "тяжелые", "проблемные", "особый случай", - т.е. не могут рассчитывать на помощь внутри личных отношений, локальных сообществ, не могут найти способы самопомощи.

⁵ Дж. Монк, Дж. Уинслэйд - Нарративная медиация. Новый подход к разрешению конфликтов / Перевод Дарьи Кутузовой. Москва, 2009

“Дело не в том, что мы не заботимся об этике, - пишет Thomas King. - Просто мы больше заботимся о нашем комфорте и о вещах, которые делают нашу жизнь комфортной - собственность, престиж, власть”⁶.

Мы чувствуем себя на стороне справедливости и добра, когда критикуем нарушения этики и злоупотребления, которые практикуют другие люди.

Мы отодвигаемся от бессилия перед лицом системных явлений - насилия, угнетения, несправедливости - мы не чувствуем себя к ним причастными, и не берем ответственность за их прекращение.

Мы считаем, что невинны во вреде, который творится вокруг. И наша невинность закрывает нам глаза на то, как мы сами воспроизводим практики власти, колониализма, угнетения и причинения вреда.

Наша невинность приглашает нас к **нейтральности и бездействию**.

“Разделяя социально-конструкционистский подход к анализу отношений власти, мы не вправе занять нейтральную позицию относительно голосов людей, заслуживающих того, чтобы их услышали, а вместо этого подавляемых и угнетаемых. Простой «защиты прав» (advocacy) здесь недостаточно”⁷, - пишут Монк и Уинслейд.

Дискурс индивидуализма по-прежнему де-политизирует проблемы, помещая их в категорию “личного”, “частного”, “индивидуального”.

Нарративная практика - какой ее задумали Майкл Уайт и Дэвид Эпстон - напротив - политизирует помогающие отношения, предлагая профессионалам взять на себя ответственность за собственное насилие, контроль и доминирование, и, вслед за Аланом Дженкинсом, приглашает в “политическое путешествие”.

Дженкинс называет отношения между консультантом и клиентом **«параллельным политическим путешествием»**, потому что считает, что политическая работа по движению от невинности к ответственности происходит **одновременно и параллельно** и с клиентом, и с консультантом. “Именно наши собственные этические становления неизбежно приводят к тому, что наши клиенты прекращают насилие и переходят к уважительным отношениям”⁸, - пишет он.

Вслед за Фуко, Майкл Уайт говорит о том, что этика всегда является коллективным делом. В этической практике «мы не можем обойтись без другого» (Фуко). Мы не можем совершать нашу работу в одиночку. “Политическое путешествие” может и должно совершаться параллельно и одновременно не только в нашей профессиональной жизни, но и в жизни всего сообщества.

⁶ King, T. The truth about stories: A Native narrative. 2003

⁷ Дж. Монк, Дж. Уинслейд - Нарративная медиация. Новый подход к разрешению конфликтов / Перевод Дарьи Кутузовой. Москва, 2009

⁸ Jenkins, A. Becoming ethical: A parallel, political journey with men who have abused, 2009

Сегодня моя *личная-и-есть-политическая этическая позиция* - взять ответственность за воспроизводство вреда людям, которые обращаются за помощью, и призвать к ответственности за причиненный вред тех практиков, которые к этому причастны.

Моя ответственность - вернуть этические профессиональные проблемы в контекст, который их порождает и поддерживает.

Моя ответственность - политизировать то, что размещается дискурсивными практиками в личном контексте как “частные случаи”, и разместить это в пространстве коллективной, общей заботы, в пространстве сообщества.

Моя ответственность - пригласить нарративных практиков в “политическое путешествие”.

Lena Šana
нарративный практик, фотограф, человек
[telegram](#) | [facebook](#) | [instagram](#) | [website](#)